

Санкт-Петербургская
православная духовная академия
Архив журнала «Христианское чтение»

Еп. Сергей (Тихомиров)

Месяц по Японии:
Путевые заметки и впечатления

Опубликовано:
Христианское чтение. 1909. № 6-7. С. 965-981.

© Сканирование и создание электронного варианта:
Санкт-Петербургская православная духовная академия
(www.spbda.ru), 2009. Материал распространяется на основе
некоммерческой лицензии [Creative Commons 3.0](https://creativecommons.org/licenses/by/3.0/) с указанием
авторства без возможности изменений.

СПБПДА
Санкт-Петербург
2009

Мѣсяць по Японіи *).

Путевыя замѣтки и впечатлѣнія.

24-е августа. Воскресенье. Литургію служилъ о. Акила. У мѣстныхъ пѣвчихъ оказались голоса; есть и умѣнье пѣть. Въ самыхъ простыхъ мотивахъ слышалось мнѣ что-то совсѣмъ уже русское! И мое сердце не обмануло меня: всѣ эти мотивы—наслѣдіе военноплѣнныхъ солдатиковъ, жившихъ и въ Тоѳхаси. Во время «запричастнаго» я бесѣдовалъ съ вѣрующими, опять наполнившими церковь. Взявъ въ основу своей бесѣды изъ посланія къ Галатамъ, изъ гл. V-й ст. 16—17, я прежде всего постарался какъ можно яснѣе нарисовать, какъ въ человѣкѣ сначала царствовалъ *духъ*; какъ человѣкъ, послушавшись плоти, воцарилъ въ себѣ *плоть*, причемъ духъ не умеръ, но какъ бы отошелъ на второй планъ; какъ Христосъ Спаситель, побѣдивъ плоть, *оживилъ духъ* и его возстановилъ въ царственныхъ правахъ... Затѣмъ я убѣждалъ не слушаться вѣднѣй *плоти*, въ насъ еще говорящей, ибо *плоды* ея очень ужъ грязны (ст. 19—20). послѣдствія очень печальны—потеря того, куда стремимся (ст. 21). Побѣдить плоть съ ея страстями—вотъ цѣль христіанина, хотя бы достиженіе ея стоило страданій распятія (ст. 24)!—Побѣдивъ плоть, христіанинъ этимъ самымъ развяжетъ крылья *духу* безсмертному и незамѣтно для себя украситъ себя чудными *плодами духа*, каковы: любовь, радость, миръ (ст. 22—23) и проч. Увѣщаніемъ не тщеславиться своею праведностью, не раздражать упреками слабыхъ, не завидовать духовно сильнымъ (ст. 26), а напротивъ — носить тяготы другъ друга. для исполненія за-

*) Окончаніе; см. май.

кона Христова (VI. 2) и призываніемъ на дѣло христіанина благодати Господа Исуса Христа, любви Бога и Отца, и общенія Св. Духа,—закончилъ свою бесѣду.—Послѣ литургіи мѣстный фотографъ-христіанинъ увлекъ меня къ себѣ въ фотографію, а затѣмъ и самъ пріѣхалъ къ церковному дому и здѣсь фотографировалъ всю церковную общину.—Пообѣдали. Простились съ о. Міемъ, возвращающимся въ Кёото, и въ 2 часа поѣхали посѣщать христіанъ.

Посѣтили около 20 домовъ.—всѣхъ христіанъ Тоёхаси. Въ каждомъ домѣ насъ ждали: предъ иконами или горѣла лампадка, или зажигали свѣчи. Ладонь курили при началѣ молебна почти вездѣ. Иногда семья стояла молебень со свѣчами. Заранѣе у всѣхъ приготовлена записочка съ именами о здравіи.—А послѣ молебна—сколько и желанія, и усилій угостить, или по крайней мѣрѣ усадить!.. У старость (общинной, обычно, управляютъ выборные старосты со священникомъ во главѣ) мы останавливались долѣе и разсуждали о положеніи церкви въ Тоёхаси.—Составъ церкви—почти исключительно люди состоятельные, или интеллигентные. Есть владѣтель завода, изготовляющаго *сою* (—староста); заводчикъ по обработкѣ риса (—староста), офицеръ—поручикъ, два фотографа, парикмахеръ, торговцы разнымъ товаромъ... Всѣ—люди христіански твердо устроены и производятъ впечатлѣніе искренности и убѣжденности. Особенно же работаетъ для церкви заводчикъ сои, первый въ Тоёхаси богатъ, г. Танака.—Около 6 час. вечера окончили мы посѣщеніе христіанъ. Оставался еще часъ, пока свѣтло на улицѣ. Мы пошли посмотрѣть мѣсто, купленное уже лѣтъ 7 назадъ подъ будущую церковь. Мѣсто очень большое (560 цубо, — около 560 кв. саж.), но и цѣна большая: 2,600 енъ! Однако, христіане усматриваютъ въ немъ и неудобства: мѣсто находится рядомъ съ дивизіей. Опасаются поэтому, не встрѣтитъ ли себѣ препятствій нашъ звонъ. Пошли затѣмъ посмотрѣть городъ: прошли по главной улицѣ, вышли куда-то къ памятнику перваго императора. Но началъ накрапывать дождикъ, и къ 7 час. мы поспѣшили возвратиться домой.

Начали подходить христіане. По мѣстному обычаю благодарятъ за посѣщеніе, и потомъ усаживаются въ большой комчатѣ собраній. Здѣсь стоитъ большое «хибаци» — какъ не усѣсться около него! Человѣкъ десять кругомъ, нѣкоторые покуриваютъ трубки; то помолчатъ, то поговорятъ... Подсѣлъ и я... и разговорамъ не было конца!.. Говорилъ я о свѣтлыхъ

надеждахъ на будущее христіанство въ Японіи, утѣшая христіанъ; отвѣчаль на вопросы о почитаніи въ Россіи воскресныхъ дней; о лѣтнемъ рабочемъ днѣ русскаго крестьянина.. Допрашивали они меня и о томъ, —вѣрно ли, что въ Россіи крестьяне не всѣ грамотны (стыдно предъ грамотными японцами было!)... Очень ихъ интересовали и наши бѣлыя ночи, и зимніе короткіе дни... Словомъ, —видимо много слышали про Россію, но очень мало ее знаютъ!.. Уже съ начала одиннадцатаго я всѣхъ ихъ благословилъ и отпустилъ. —Мы собрались ко сну, намѣреваясь завтра пораньше съѣздить на православное кладбище за городъ, гдѣ похоронено два русскіихъ солдатика...

25-е августа. Утромъ шелъ дождь, и настолько большой, что ѣхать на кладбище за городъ было немислимо. Со скорбью въ сердцѣ ходилъ я по своей комнатѣ, да посматривалъ, не пошлетъ ли Господь «ведрышка»; но дождь пересталъ лишь въ 9-мъ, а въ 10 ч. отходилъ нашъ поѣздъ. Пришлось мисленно послать привѣтъ двумъ землякамъ—солдатикамъ!..

На вокзалъ явилась, кажется, вся христіанская община! Какъ дѣти около отца, они собрались около меня; я благословилъ каждого въ отдѣльности, простился со всѣми и усѣлся въ подошедшій поѣздъ... Язычники массою смотрѣли на новое для нихъ зрѣлище. При сердечныхъ пожеланіяхъ тронулся нашъ поѣздъ. Я направлялся въ Хамамацу. О. Акила Хирота нѣсколько заболѣлъ, и я поѣхалъ уже лишь съ Кагэтой, какъ своимъ переводчикомъ. Дорога недолгая — всего часъ! Проѣхали мимо Бентендзима, —морскихъ купаній и чуднаго озера!.. Поѣздъ долгое время шелъ по дамбѣ, потомъ по мосту, имѣя и направо, и налево воду. Всюду—рыбаки, а далеко направо—пѣнящійся морской прибой!.. Хорошо было на душѣ, послѣ всего хорошаго, что я видѣлъ вездѣ, и—только что въ Тоёхаси; и такую прекрасною казалась мнѣ прекрасная и въ дѣйствительности природа...

Хамамацу.

Въ началѣ двѣнадцатаго часа утра поѣздъ остановился въ Хамамацу. Къ нашему вагону подъѣзжалъ юноша Іоаннъ, сынъ здѣшняго доктора Моисея Оота, и радостно привѣтствовалъ насъ. Тутъ же оказались его папа, и катихизаторъ и даже христіане!.. А и домовъ-то христіанскихъ въ городѣ всего 8!..

Мы поѣхали по улицамъ города. Улицы довольно чистыя, но трубъ фабричныхъ очень много. Говорятъ,—онѣ изукрасили Хамамацу въ послѣднее время. Много трубъ еще только поднимаемыхъ! Производятъ на фабрикахъ матеріи; есть заводы музыкальныхъ инструментовъ. Близость къ городу моря: срединное положеніе между Нагойя и Сидзуока; фабрики и заводы; — все это быстро увеличиваетъ населеніе Хамамацу (уже теперь 25 тыс.). Но къ сожалѣнію, скорбятъ христіане, съ увеличеніемъ фабрикъ портятся и нравы жителей...

Недолго намъ пришлось ѣхать, вотъ мы уже у зеленаго дома, со стѣны котораго такъ привѣтливо зоветъ къ себѣ восьмиконечный вызолоченный крестъ!.. Это — молитвенный домъ христіанъ г. Хамамацу и его окрестностей (всѣхъ до 80 чел.). Внизу устроена временная церковь; иконостасъ въ ней очень хорошій; и—мнѣ кажется—много лучше иконостасовъ Нагойя, Оказаки и даже Тоѣхаси; вверху—комнатка на случай пріѣзда священника (своего здѣсь нѣтъ; ѣздитъ изъ Тоѣхаси отъ Акила Хирота). Здѣсь же квартира катихизатора.

Въ верхней комнаткѣ я и помѣстился было... Юноша Иванъ (японское имя — Какуси) не забывалъ насъ; и наша комната постепенно наполнялась всякой-всячиной! Китайскій чивъ американское печенье къ нему, прекрасный виноградъ, груши, яблоки... Все это доставлялось изъ дома его папаши. Въ 12 часовъ намъ принесли оттуда же прекрасный японскій обѣдъ... Господи,—думалось мнѣ! Люди только-только меня, увидѣли, а съ какой любовью не только дѣлаютъ для тебя все, но стараются даже угадать твои желанія!... За что? За что? Но вотъ чрезъ нѣкоторое время пришла прихворнувшая было супруга доктора Оота и для меня сразу все стало понятнымъ: столько даже на лицѣ ея добраго сердца, нѣжной теплоты, материнской ласки!..

Въ ожиданіи бесѣды постепенно подходили христіане. Привели старца-слѣпца и усадили его въ моей комнаткѣ. Пришелъ докторъ изъ-за города... «Какъ? Второй докторъ?... Да нѣтъ ли у васъ тутъ и еще докторовъ?».. И что же? Оказалось сейчасъ въ Хамамацу *пять* докторовъ! Это — старецъ Оота и его четыре ученика по вѣрѣ... Ждутъ еще шестого! И тогда дѣйствительно можно будетъ говорить, что церковь здѣшняя—церковь докторовъ!...

Меня этотъ фактъ навелъ на много свѣтлыхъ думъ!.. Вотъ, мечталось мнѣ, сейчасъ здѣсь одинъ докторъ привелъ ко

Христу четырехъ докторовъ... Его зять въ Оказаки, д-ръ Та-нака, тоже имѣеть своихъ учениковъ по вѣрѣ среди собратьевъ по профессіи... Въ Нагойя около старца—фотографа Міясита сколько появилось фотографовъ-христіанъ!.. Наступить время, когда вотъ такимъ то путемъ, путемъ семейныхъ, родствен-ныхъ вліаній черезъ знакомства, ученье Христово не слабой струей, но стремительнымъ потокомъ начнетъ вливаться въ страну японскую и напоить всѣхъ, кто увидитъ въ этомъ по-токѣ воду чистую, воду живую!..

Невольно обращаешь вниманіе и на то, что не люди не-образованные; а люди просвѣщенные; да еще кто? — доктора, во всемъ обычно видящіе кровь, да мясо,—принимають вѣру Христову! И не только сами ее свято содержать: но и со-братьевъ влекутъ ко Христу!.. Предъ Христомъ склоняетъ свою главу здѣсь не только буддистъ или синтоистъ, но—и обра-зованный человѣкъ!.. Это ли не сила Христова! Это ли не побѣда Его надъ сильными вѣка сего?..

Ровно въ 2 часа, какъ было объявлено христіанамъ, спу-стился я внизъ, въ церковь. Тамъ зажжены лампадки; хри-стіане уже сидятъ въ ожиданіи проповѣди. Помолились мы Царю Небесному и я началъ свою «бесѣду»... «Бесѣда»... Сколько въ этомъ словѣ простого, сердечнаго, желаннаго!... Это не торжественно раздающееся слово, въ которомъ именно по причинѣ его торжественности трудно очень развернуться душѣ! Это не поученіе, которое постоянно тебѣ напоминаетъ о краткомъ времени и вынуждаетъ поскорѣе на поученія... «Бесѣда»—это общеніе одной души съ другими душами; это постоянное чтеніе чужихъ душъ по выраженію лицъ, по гла-замъ, по общей настроенности! «Бесѣда»... — сколько здѣсь твоя душа, твой умъ изгибается, чтобы идти рядомъ съ душами братьевъ и быть имъ понятнымъ!.. Люблю я «бесѣдовать» вообще... А сегодня бесѣдовалъ какъ то особенно сердечно. И казалось мнѣ, что мои слушатели говорятъ со мною: такъ живо отвѣчали на мои слова лица этой *семьи* христіанъ!... О чемъ я бесѣдовалъ?.. Да, конечно опять обратился за помощью къ неподражаемому Св. Ап. Павлу; онъ давалъ мнѣ содержаніе; а я его пережи-валъ, отливалъ въ доступныя для слушателей, а главное — отвѣчающія потребностямъ минуты и времени, формы. И сердце мое чувствовало, что я не на камни сѣялъ и былъ не только понять, но и принять своими слушателями! Можетъ ли быть для проповѣдника награда лучше этого сознанія.

Кончилась бесѣда. Полтора часа продолжалась она. Но не чувство усталости у тебя на душѣ, а какое-то отрадное сознание сдѣланнаго добраго дѣла!.. Право, и самъ какъ-то мягче, какъ-то лучше, сердечнѣе сдѣлаешься, когда вотъ такъ-то побесѣдуешь съ христіанами!.. Впрочемъ, мы вѣдь всегда «уча, учимся»... Такъ даже говорить какая то латинская пословица.

Пришелъ въ свою комнатку; но милый «Какуся» уже плѣнилъ мой дорожный саквояжъ; а докторъ и супруга не позволяли и думать о почлегѣ гдѣ-нибудь въ другомъ мѣстѣ; и насъ повели къ себѣ. Домъ ихъ—въ нѣсколькихъ шагахъ, и я черезъ пять минутъ былъ уже на новомъ мѣстѣ, но въ атмосферѣ любви, еще болѣе напряженной.

Доктору сейчасъ 65 лѣтъ. Нѣсколько отпущенные (а не бритые) волоса съ легкой просѣдью; такая же борода, густые усы. Японскій костюмъ. Тихія, скромныя манеры. Природное благодушіе, написанное на лицѣ и особенно въ добрыхъ глазахъ. — Супруга появляется всегда съ доброй улыбкой и неизмѣнно съ какимъ-нибудь угощеніемъ; но занятая домою, постоянно убѣгаетъ, сказавъ: «гомѣнь насай»—извините. Какуси—Иванъ, красивый юноша, съ открытыми, добрыми глазами, высокаго роста, необыкновенно подвижной, очень развитый. Таковы Моусей, Лидія и Иванъ, среди которыхъ я оказался.

Свой входъ въ семью я началъ молитвой. У доктора устроена особая комнатка—часовня... Въ ней есть все: и иконы строгаго письма, и копія съ Дольчи и др... Аналойчикъ, свѣчи, ладонь... Какъ уютно чувствовалось въ этой «храминѣ», въ этой «келейкѣ» добрыхъ христіанъ! Молилось сердце мое!.. Тихо на мои слова отвѣчалъ пѣніемъ катихизаторъ... Сосредоточенно молились хозяева дома... По отпустѣ я благословилъ эту семью, этотъ столпъ хамамацкой церкви; и благословляя пожелалъ и счастливой жизни семейной, и полезной дѣятельности на облегченіе страждущихъ братій, и научнаго роста, и плодотворной помощи намъ по насажденію вѣры Христовой среди язычниковъ... Искренне, горячо меня благодарила вся семья...

На корридорѣ около этой «часовни» стоитъ кресло: — единственный представитель нашей мебели... Но кресло это «памятное»: на немъ сидѣлъ японскій принцъ, бывшій у хозяина; а теперь ожидало это кресло нашего владыку — архіепископа... Но не дождалось пока... А пришлось посидѣть хоть

минутку на пемь мнѣ... И будетъ оно опять стоять подь прикрытіемъ: и опять будетъ ожидать «дай-сикѣо», или «сикѣо». Не могу умолчать объ этомъ!.. Какая любовь, какое уваженіе къ «дай-сикѣо» чувствуешь и здѣсь, какъ и вездѣ! Отраднo, что люди «знаютъ своего спасителя» отъ тьмы язычества!.. И не забываютъ его.

Городъ занимаетъ площадь не очень большую; да и домовъ христіанскихъ не такъ много. Мы рѣшили посѣщать христіанъ пѣшкомъ: много пріятнѣе, чѣмъ на курумахъ! Не могу забыть семьи слѣпца! Самъ—слѣпой, жена—тоже слѣпая! Оба успѣли уже состариться!.. Но за свою долгую тяжелую жизнь они не прибѣгали къ чужой помощи, сами исполняя всѣ домашнія работы. Нужда такъ изощрила ихъ органы, что даже нитку въ иголку старушка продѣваетъ сама. Не помѣшало имъ несчастье воспитать и дѣтей, изъ которыхъ двѣ дочери, уже почти невѣсты, и 4 сына. Я помолился за нихъ, и благословилъ старцевъ на дальнѣйшее терпѣніе среди испытанія, которое, какъ огонь — золото, очищаетъ нашу душу отъ всего нечистаго... Призывалъ я ихъ къ бодрости, ибо поднятыя на ноги дѣти должны и сьумѣють успокоить старость своихъ страдальцевъ-родителей. Рады были нашему посѣщенію старички очень; но радость ихъ трудно и описать, когда мы еще и присѣли у нихъ хотя ненадолго!..

Съ особымъ отраднѣмъ чувствомъ вспоминаю я семью Каваан. Здѣсь мнѣ пришлось увидѣть сразу четыре поколѣнія христіанъ! Дѣдушка Гедеонъ, его сынъ — хозяинъ, его внуки и внучки, изъ коихъ одинъ учится въ университетѣ; и даже правнуки!.. Четырнадцать именъ поминалъ я о здравіи на эктениі!.. Вѣдь это — пастоящая община по здѣшнимъ мѣстамъ!.. Радушно приняли насъ здѣсь!.. Очень уже радушно и тепло!.. Дѣдушка былъ радъ необыкновенно!.. «Вотъ, дѣдушка, Господь привелъ вамъ видѣть какую домашнюю церковь! 14 человекъ вѣдь»,—сказалъ я; а дѣдушка перекрестился и заплакалъ слезами радости! И эти слезы старика много говорили молодежи!.. Пожелавъ старцу дожить до ста лѣтъ, я пошелъ далѣе, провожаемый на улицу всей семьей, на удивленіе язычниковъ: домъ-то очень богатый и среди сосѣдей выдающійся.

Не торопясь шли мы по улицамъ города, попутно и осматривая его. Юноша Иванъ охотно насъ со всѣмъ знакомилъ... Однако, пришло время и домой возвращаться; и черезъ нѣсколько минутъ мы уже опять видѣли предъ собою лица на-

шихъ добрыхъ хозяевъ. Осталось намъ съѣздить къ другому доктору, — но онъ за городомъ: отложили на завтра. Остался еще поохладѣвшій христіанинъ; но начавъ сладкимъ, мнѣ не хотѣлось заканчивать день горькимъ: поэтому и этотъ домъ остался до завтра.

Вечеръ прошелъ совершенно по семейному... Посреди комнаты стоялъ низенькій столикъ: отсюда все время не снимались гостинцы, фрукты, печенья... Подъ ноги при сидѣннн обычно подкладываются особыя подушки: мнѣ такихъ наложили штукъ шесть, и усадили меня на нихъ... Юноша Иванъ принесъ массу фотографій, картинъ, альбомы... Все время ихъ разсматривали, разговаривали, шутили... Хозяйка принесла «банъ-лиси» (ужинъ) и такъ настойчиво имъ угощала, что я измѣнилъ себѣ и ужиналъ съ хозяиномъ по-японски... Постепенно приходили христіане. Начали подходить христіане даже изъ деревень, узнавъ о моемъ пріѣздѣ! Разговорамъ не было конца. И хотя разговоры не переходили въ тонъ и форму проповѣди, тѣмъ не менѣе—полагаю я — не безъ пользы для сердца, для души, уходили изъ докторскаго дома братья по вѣрѣ, когда пришло время спать, и когда я далъ имъ благословеніе прощальное.

Хозяева много хлопотали о болѣе покойномъ снѣ; и спать было очень хорошо! Изводившіе было меня съ вечера два комара сами лезли на явную опасность; и поэтому, можно сказать,—покончили жизнь самоубійствомъ. Черезъ полчаса же, не болѣе, закончили свой концертъ и обитательницы чердаковъ. И я заснулъ крѣпкимъ сномъ!

26-е августа. Давно уже, тринадцать лѣтъ назадъ, съ этого числа я сталъ монахомъ. Цѣль моя тогда была вполне опредѣленная! Но мой сотоварищъ по иночеству уже успѣлъ послужить въ Америкѣ, и теперь возвратился въ Россію. А я не управился туда, куда влекло тогда меня сердце мое... И лишь теперь Господь привелъ меня миссіонерствовать... Но не Америка, а Японія—стала жребіемъ моимъ. Господь строить жизнь человѣка. Ему пужно было вести меня по распутіямъ жизни на милой родинѣ. Онъ привелъ меня теперь и сюда... И какъ легко у меня сейчасъ на душѣ!.. Благослови же, Господи, мое дальнѣйшее иночество, но—уже иночество миссіонерское...

Рано я проснулся сегодня. Будить никого не хотѣлось, и я осмотрѣлся въ той обстановкѣ, въ какой нахожусь. Моя

комната—верхъ изящества! Конечно, на полу соломенные «татами»; конечно, потолокъ изъ досокъ некрашенныхъ. Но всѣ доски, всѣ бруски, всѣ столбики такъ выскоблены, такъ отполированы, такъ отлакированы,—что все блеститъ, глаза ласкаетъ и внушаетъ осторожность, бережливость, чистоту... Плюнуть на полъ, облокотиться на столбикъ, сѣсть на перила, пройти по лакированнымъ доскамъ каблуками;—да не хватить совѣсти!.. И дѣйствительно,—чистота удивительная!—Въ нишѣ стоятъ разныя статуэтки; на искусственномъ суку—чучело орла. Двѣ высокихъ лампы на полу... На стѣнахъ, въ нишахъ, на длинныхъ листахъ, писанные тушью цвѣты: работа изящная. Выше раздвижныхъ ширмъ, подъ самымъ потолокомъ, широкое—широкое полотно со столь знакомымъ мнѣ теперь береговымъ видомъ Японіи: тутъ и горы, съ выдающимися вершинами; тутъ и сосенки, покрывающія эти горы; и эти извилистые заливы; и эта даль моря съ бѣлѣющими парусами!.. Какъ все это красиво на самомъ дѣлѣ, и какъ превосходно схвачено на картинѣ!..—А вотъ «Фудзи-санъ», священная, самая высокая гора Японіи!.. Столь знакомое—(видишь чуть не въ каждомъ домѣ!)—изображеніе горы, на половинѣ прикрытой дымкой облаковъ, на верху бѣлѣющей снѣгомъ...—Да! Простота и изящество здѣсь сочетались очень умѣло и говорятъ много о вкусѣ хозяевъ...

Но... появился тихо милый Какуси; увидѣлъ меня уже бодрствующимъ; и столь же быстро исчезъ, какъ и появился. Но вмѣсто него пришли слуги приводить комнату въ ея дневной видъ... А далѣе—сердечный утренній привѣтъ; утренній чай; и составленіе болѣе удобнаго распредѣленія дня... Я уже согласился ѣхать не въ 9 ч., и не въ 11 ч., какъ значилось въ предварительномъ моемъ расписаніи; и даже не въ 1 ч. дня, какъ хотѣлось непременно, а лишь въ 3 часа, какъ призналъ за лучшее докторъ! Но его соображенія вполнѣ серьезны: хочется сняться на группу всею церковью; между тѣмъ до 2 часовъ всѣ дѣти въ школахъ!.. Впрочемъ..., я и не рвался очень-то отъ тепла!

Около 9 часовъ сѣли мы на дзинрикиси и поѣхали сначала къ доктору... Двѣ версты—недалеко!.. Выѣхали за городъ; ѣдемъ по прекрасной дорогѣ... По сторонамъ—рисъ, гдѣ уже желтоватый, гдѣ совсѣмъ зеленый... Картофель разныхъ сортовъ, горохъ, бобы... Высоко поднимаетъ свою голову гаолянъ.—Едва пробивается изъ земли новой посадки рѣдиска...

Вездѣ крестьянскія поселенія, или отдѣльными домами, или деревнями... На дорогѣ то и дѣло переѣзжаемъ селенія... Но нашего доктора все нѣтъ! Было почти уже 10 часовъ, когда наконецъ-то съ главной дороги мы свернули на узенькую дорожку и направились къ чему-то въ родѣ мызы: здѣсь и жилъ докторъ!.. Оказалось, что дѣйствительно до него 2 версты, только японскихъ! А русскихъ цѣлыхъ 8! Не ожидать насъ въ такую даль къ себѣ докторъ; но тѣмъ пріятнѣе для него было наше посѣщеніе... Времени терять намъ было нельзя. Мы совершили предъ иконками—а ихъ опять много—краткій молебенъ, выпили по чашкѣ японскаго чая; и оставляя хозяину миръ Христовъ, провожаемые благодарностями всей его семьи, простились съ нимъ... Телѣжки наши долго плелись до большой дороги. Но семья доктора все еще стояла у воротъ своего дома, посылая намъ временами свои привѣты. И лишь деревня, въ которую мы въѣхали, не дала возможности и мнѣ еще и еще отвѣчать на прощальные привѣты доктора своею шляпою... Такъ то сердечно принимаютъ здѣсь христіане своего «сикѳо»... И тепло поэтому на сердцѣ!..

При самомъ въѣздѣ въ городъ находится тотъ домъ, въ которомъ живетъ поохладѣвшій христіанинъ... Не безъ сердечнаго волненія я къ нему подѣзжалъ. Должно быть въ сотый разъ провѣрялъ себя, какъ бы не сказать «сгоряча» чего нибудь лишняго, но въ то же время и не забыть существеннаго! Но Господь не судилъ мнѣ въ Хамамацу заговорить инымъ языкомъ: христіанина сего и его семьи мы дома не застали... Пришлось поручить катихизатору сказать христіанину, что я у него былъ, и что если еще буду въ Хамамацу, опять приѣду къ нему...—этимъ мы и закончили свое прямое дѣло въ Хамамацу. Отпустили «дзинрикися» и пѣшкомъ направились къ дому. По пути зашли въ старую крѣпость... Уже въ ветхость приходитъ она!.. Но на-верху устроень домикъ, и за 3 сена насъ пропустили на крышу этого дома (на терраску, которую можно видѣть почти на каждомъ домѣ)... Прекрасный по обыкновенію видъ открылся передъ нами. Вотъ городъ, съ торчащими кверху трубами,—этими грозными надгробными памятниками здоровью рабочаго люда; вотъ за городомъ—гимназія, гдѣ учится Какуси—Иванъ; еще далѣе—видны казармы.—Конечно—неизмѣнное здѣсь, на Тоокайдѳо, море... Горы кругомъ... Вѣроятно, и сегодня опять не одинъ разъ полѣземъ въ туннель!.. Да! Какъ красива здѣсь природа!.. Вотъ гдѣ

поистинѣ раскрыта великая книга съ ясно написанными въ ней глаголами о присносущной силѣ и Божествѣ творца всѣхъ этихъ красотъ природы...

Проходили мимо зданія, специально построеннаго для упражненій гимнастическихъ, и прежде всего — для «дзюудзицу»!.. Какъ было не зайти сюда послѣ всего, что съ такимъ воодушевленіемъ и такъ картинно описывалъ намъ Какуси!.. При нашемъ появленіи учитель немедленно мнѣ прислалъ стулъ; а подростки, поклонившись другъ другу по-японски, парами начали бороться. Большею частью поединки кончались быстро; но въ двухъ парахъ сошлись ловкость съ ловкостью; и мы долго сидѣли, восхищаясь сими юношами!.. Да! Съ сихъ лѣтъ начинаютъ,—что же будетъ дальше?.. Къ сожалѣнію, большихъ гимнастовъ сегодня не было, и «что бываетъ дальше», этихъ «чудесъ» мнѣ не пришлось видѣть! Учитель съ большимъ почтеніемъ насъ провожалъ. Когда я уже вышелъ и прошелъ много впередъ, онъ отъ спутниковъ узналъ, что я—помощникъ Владыки-Архіепископа Николая; и нужно было видѣть его смущеніе, что не оказалъ онъ «должнаго» пріема!.. И издали мнѣ посылалъ онъ свой послѣдній поклонъ... Имя Владыки и мнѣ часто помогаетъ! За чужой крѣпкой спиной и мнѣ чувствуется недурно!..

Уже въ обѣденный часъ возвратились домой. Сытно по-японски пообѣдали... Докторъ мнѣ далъ свою карточку, Какуси подарилъ открытки «Хамамацу»: трогательныя мелочи! Пока я приготовлялъ къ отъѣзду свой багажъ, подошло время сниматься на группу. Отыскивая наиболѣе удобное, просторное и красивое мѣсто, остановились на синтоистской *мія*, къ которой и собрались христіане... Дѣдушка Гедеонъ, къ сожалѣнію, не пріѣхалъ: силъ мало... Дамъ усадили направо и налево отъ меня (а говорятъ о приближенномъ положеніи женщинъ здѣсь!), а мужчины, съ докторомъ во главѣ, стояли... Впрочемъ, старичекъ какой-то тоже сидѣлъ... И опять фотографическій снимокъ! Пойдетъ время; а я буду пересматривать всѣ эти снимки, и съ любовью вспоминать тѣхъ, среди которыхъ я встрѣтилъ столько любви!

Нужно было поспѣшать... Я горячо простился съ хозяевами... Владыкѣ Архіепископу они послали корзину фруктовъ... А мнѣ отъ всѣхъ христіанъ подарили «тушечницу»,—коробку съ принадлежностями для японскаго письма тушью и кистями... Опять «тушечница»! — Принимаю, какъ настойчивое напоминаніе любви: нужно упорно изучать японскій языкъ...

Прощальное благословеніе всѣхъ, собравшихся на проводы христіанъ... Торопливые привѣты направо и налево, ввиду приближающагося поѣзда... Слово глубокой благодарности изъ окна вагона... Общее всѣмъ благословеніе... Все это—на удивленіе глядящей публики!..

Звонковъ не бываетъ... Свистокъ. Плавно тронулся вагонъ... И я направился далѣе, оставивъ въ сердцѣ своемъ навсегда Хамамацу и его добрыхъ христіанъ. А Оота-санъ! А Какуси! А его мама! Скучно было уѣзжать изъ Хамамацу!

Сидзуока.

Дальнѣйшей, и послѣдней, нашей остановкой былъ г. Сидзуока. Городъ — большой, губернский; но церковь въ немъ сравнительно молодая, успѣшно управляемая старцемъ о. Матѳе. Кагэта и распространяемая опытнымъ катихизаторомъ.

Разстояніе отъ Хамамацу до Сидзуока — 3 ч. ѣзды; но я поѣхалъ экспрессомъ и къ 5 час. веч. былъ уже у послѣдней цѣли своего путешествія. О. Матѳе и христіане встрѣтили меня на вокзалѣ, откуда, благословивъ всѣхъ, я и направился въ церковный домъ. Находится онъ въ центрѣ города, около старинной крѣпости; поражаетъ своей необыкновенной тѣснотой: могутъ съ трудомъ помѣститься человекъ 50, а для сотни — не достало бы ни мѣста, ни воздуха! О. Матѳе совершилъ краткій молебень по случаю моего пріѣзда, а я къ собравшимся уже *всѣмъ* христіанамъ обратился съ рѣчью, содержаніе которой и планъ намѣчала мнѣ XII гл. посланія къ Римлянамъ. Церковь молодая, — мудрствовать не было удобнымъ! Хотѣлось быть для всѣхъ понятнымъ и это опредѣлило большую простоту и въ содержаніи, и въ построеніи моей рѣчи.

По окончаніи бесѣды опредѣлили общимъ совѣтомъ съ христіанами, когда мнѣ удобнѣе ѣхать къ нимъ по домамъ и конечно, мои планы выѣзда въ Тоокёо въ 11 ч. у. рушились: отъѣздъ отложили до 4 ч. дня. Обѣдомъ, или ужиномъ — не знаю—въ гостинницѣ закончили мой день г. Кондо, мѣстный староста, и о. Матѳе; и пожелавъ мнѣ покойной ночи, здѣсь же устроили для меня и прекрасный ночлеги.

27-е августа. Съ 8 ч. утра поѣхалъ я по домамъ христіанъ г. Сидзуока,—ихъ здѣсь 21. Какъ и всюду,—я былъ вездѣ желаннымъ посѣтителемъ. И такъ-то хорошо чувство-

валось на сердцѣ, когда глядя на ликъ Спасителя или Божіей Матери поминаль я имена живущихъ «въ домѣ семь»... Душа отрывалась отъ земли и молила Господа утвердить всѣхъ ихъ въ вѣрѣ, совершить въ любви.. Посѣтилъ между прочими одного небогатаго сапожника: Онъ такъ былъ обрадованъ посѣщеніемъ, что не находилъ ни формы, какъ бы поблагодарить... На вокзалѣ же явился съ корзиною фруктовъ, чѣмъ совершенно растрогалъ меня!.. Посѣтилъ домъ только что скончавшагося христіанина Петра. Его сегодня погребаютъ. Крещеніе онъ принялъ лишь четыре дня назадъ, хорошо оглашенный; принялъ христіанство по глубокому убѣжденію. Семья еще языческая. Но одна дочь-христіанка, замужемъ въ Нагойя за фотографомъ-христіаниномъ. Я помолился о здравіи нагойскихъ христіанъ, а потомъ совершилъ краткую литію по рабѣ Божіемъ Петрѣ. Пѣть было некому: пѣлъ самъ. И съ такимъ-то чувствомъ я пѣлъ «со святыми упокой!» Вѣдь предомноу истинно-святая душа только что въ водѣ св. крещенія омывагося Петра... «Вѣчная память», — да будетъ и Петру, и всѣмъ, кои своимъ примѣромъ жизни сбѣтъ Христова ученіе въ мірѣ языческомъ! Домъ былъ наполненъ и язычниками, и христіанами. Я не удержался и сказалъ приблизительно слѣдующее: «Братіе! Христіанство не знаетъ «умершихъ», — оно знаетъ лишь «уснувшихъ»; и рабъ Божій Петръ не умеръ, но спитъ продолжительнымъ сномъ. Наступитъ время, — и онъ проснется, но уже для жизни вѣчной, блаженной. Но онъ сослѣбеть, скажете вы?.. Да, тѣло его сослѣбеть. Но Господь, давшій намъ тѣло изъ ничего и вдохнувшій въ него душу безсмертную, развѣ не силенъ и вновь душѣ живой дать тѣло, но уже нетлѣнное. безболѣзненное?.. Какъ ни хорошо бываетъ жить въ гостинницѣ, но человѣку всегда хочется возвратиться въ свой домъ... Настоящій міръ — это гостинница, въ которой мы временно живемъ; и только потому, что мы «обживаемся» въ этой гостинницѣ и не знаемъ радостей вѣчныхъ селеній, — только поэтому мы скорбимъ при видѣ смерти!.. Не скорбѣть, братья, нужно намъ, а радоваться; и вѣрьте, что и рабъ Божій Петръ лишь переселился въ обитель Отца Небеснаго, для жизни вѣчной, въ нетлѣнномъ тѣлѣ!.. Не будемъ же скорбѣть, имѣя такое упованіе, а утвердимся въ крѣпкой вѣрѣ, что жива душа Петра, оживетъ и его тѣло, и будетъ воскресшій Петръ вѣчно жить, но уже не въ гостинницѣ, а въ дому Отца Небеснаго. И будемъ Господа молить, да спо-

добить и насъ Онъ увидѣть сія небесныя наши обители!— Братья! Въ водѣ Св. Крещенія христіанинъ омывается отъ всѣхъ грѣховъ, ранѣ имъ содѣянныхъ: такова вѣра наша. Петра Господь сподобилъ скончать свое земное странствованіе въ день св. крещенія... Счастливый Петръ: И прислушайтесь къ голосу души его, исходящему изъ гроба; прислушайтесь *всѣ*, а особенно вы, семейные его! И вы услышите, какъ онъ говоритъ: «довольно вамъ ходить во мракѣ! Будетъ вамъ валяться въ грязи? Свѣтитъ яркое Солнце-Христосъ: къ Нему скорѣй спѣшите! Одна истина, одна вѣчная правда, одна чистая жизнь — у Него, — къ Нему всей душой прильпите!» Возлюбленные! Иного не сказалъ бы сейчасъ новокрещенный представлявшійся Петръ, ибо онъ видитъ теперь истину лицомъ къ лицу... Да подвигнетъ же насъ гробъ ко кресту, ко Христу!»—Говорилъ я совершенно неожиданно для себя и самъ чувствовалъ тогда силу своихъ словъ... Но постарался сейчасъ записать...—Нѣтъ! Все не то!.. Впрочемъ, мысли все же сохранились...

При дальнѣйшихъ посѣщеніяхъ я получалъ одни утѣшенія, а въ домѣ мѣстнаго «столца»—Кондо (магазинъ обуви и чемодановъ) меня даже попросили сказать нарочитое «наставленіе». Въ семьѣ—14 человекъ,—аудиторія вполне достаточная; и я говорилъ о томъ, чтобы слушающіе меня своею жизнью славили Христа среди язычниковъ и тѣмъ безъ словъ помогали бы дѣлу проповѣди, которую несемъ мы. Говорилъ я и о вѣрѣ въ славное будущее церкви въ Японіи... Какъ луна, звѣзды, электричество, лампы, свѣчи не пужны съ восходомъ солнца; — такъ теряютъ силу и всѣ *тера* и *мія* съ ихъ ученіемъ и служеніями; и не за горами то время, когда предвѣстница великаго Свѣта—заря смѣнится яснымъ днемъ, и Солнце Правды осѣнитъ, просвѣтитъ страну восходящаго Солнца!..—Кондо много дѣлаетъ по объединенію христіанъ; много помогаетъ имъ, помогаетъ церкви Божіей; онъ—душа мѣстной общины. И поддержать его въ вѣрѣ, ободрить его надеждою на свѣтлое будущее,—было такъ справедливо, и понятно!

Побывать я и на кладбищѣ,—оно не такъ далеко отъ дома одного изъ христіанъ... Кладбище за городомъ, на полѣ; общее съ язычниками; впрочемъ,—христіане все же какъ будто придерживаются одного мѣста. Когда мы пришли на кладбище,—въ это время готовили могилу для умершаго Петра.

Напротивъ свѣжей могилы—лежить подпоручикъ 12 вост.-сиб. полка Алексѣй Григ. Лазаревъ,—одинъ изъ плѣнныхъ офицеровъ... Памятникъ его въ полномъ порядкѣ, но изъ 4-хъ цѣпей около памятника осталась лишь одна, и та, вѣроятно, на время!.. Я совершилъ литію,—пришлось опять самому и пѣть! Поминаль его, и всѣхъ убіенныхъ и утопшихъ воиновъ; и въ этой молитвѣ хотя немного нашель успокоеніе себѣ: не могу досѣлѣ простить себѣ, что испугался дождя и не побываль у двухъ солдатиковъ на кладбищѣ въ Тоѣхаси!

Около часу дня возвратился я въ гостинницу. Обѣдать было некогда, такъ какъ черезъ полчаса назначено было отпѣваніе Петра, и я къ полчасу 2-го пошелъ въ молитвенный домъ. Около него стояли уже толпы народа. Предъ самымъ домомъ громадныя букеты, аршинной вышины, живыхъ цвѣтовъ. Въ молитвенномъ домѣ полно: собрались проводить своего собрата почти всѣ христіане; были и язычники; женщины-родственницы въ бѣлыхъ костюмахъ, — здѣшній трауръ...—Истово совершалъ старецъ о. Матѳей чищъ отпѣванія. Не очень стройно, но весьма терпимо пѣли пѣвчіе... Всѣ стояли съ возженными свѣчами... И такъ вѣяло у этого гроба смерти жизнью! Такъ чувствовалось здѣсь дыханіе Христовой любви, все оживляющей, все созидающей!.. Вѣдь что иное, если не любовь братская, привела сюда всю церковную общину?..—Нѣтъ ни слезъ, ни стоновъ... Говорять,—не полагается. Спокойно, не торопясь всѣ простились съ умершимъ, цѣлуя иконку и вѣнчикъ... Заколотили крышку гроба гвоздями,—и по завершеіи отпѣванія вынесли гробъ на улицу... Здѣсь его оставили на очень изящныя носилки. Впереди цвѣты и столбъ съ надписью и крестомъ на немъ, затѣмъ—о. Матѳей въ облаченіи, съ крестомъ въ рукѣ; катихизаторъ въ стихарѣ; дальѣ гробъ, родные и знакомые позади... Процессія очень торжественная, и на язычниковъ всегда производитъ сильное впечатлѣніе... Я не имѣлъ времени идти на кладбищѣ и возвратился въ гостинницу. Наскоро обѣдалъ; за полчаса до отхода поѣзда возвратился ко мнѣ радостный о. Матѳей: семья Петра очень тронута всѣмъ, что она встрѣтила у гроба и при погребеніи и выразила желаніе поскорѣе присоединиться ко Христу... Такъ-то у насъ и гроба источаютъ жизнь, какъ нѣкогда изъ гроба возсіяла Жизнь для всего міра!.. Въ братскомъ общеніи съ вѣрующими, заходившими проститься, проводилъ я послѣднія минуты въ Сидзуока, а въ 4 ч. 45 м.,

провожаемый всею христианскою общиной до вагона, я уже отправлялся «домой». въ Тоокёо... И опять—какъ отрадно видѣть, когда наперерывъ у тебя берутъ благословеніе христіане! Неужели и такое открытое «исповѣданіе» своей вѣры не убѣдить въ обратномъ тѣхъ, кои непременно вездѣ, и у японцевъ-христіанъ вчастности, хотять видѣть неискренность?..

Быстро полетѣлъ нашъ экспрессъ... Въ вагонѣ тѣспо... Сидимъ плечо къ плечу... Постоянно раздаются пронзительныя свистки паровоза, а за ними—зажигается электричество: мы черезъ нѣсколько секундъ въѣзжаемъ въ туннель... Какой-то особо рѣзкій шумъ колесъ, неожиданная обстановка ночи, гдкій дымъ, проникающій сквозь незримыя щели... Все это нѣсколько треплетъ твои нервы... Но вотъ мы опять вылетаемъ на свѣтъ Божій... Направо неизмѣнное море; на лѣво, позади и впереди—горы!.. И опять—туннель, и опять горы!..

Хотѣлось мнѣ очень посмотретьъ Фудзи-санъ. Изъ-за этого я намѣревался было выѣхать изъ Сидзуока пораньше. Однако темнота наступила быстро и въ 7 час. все было покрыто мракомъ. Луна же, такъ красиво потомъ освѣщавшая море, еще не выходила. А въ эту пору мы и проѣзжали ст. Готемба, съ которой путешествуютъ на Фудзи-санъ!

Ровно въ 9 ч. в., по росписанію, поѣздъ нашъ подошелъ къ Симбаси, вокзалу въ Тоокёо. Съ какимъ-то нетерпѣніемъ я ждалъ этой минуты, и съ какимъ-то радостнымъ волненіемъ ѣхалъ по улицамъ уже «своего» города, направляясь въ «нашъ» Суругадай, во «свою» квартирку!.. Около 10 ч. в. я былъ уже *у себя дома*. Слава Богу!..

* * *

Итакъ я совершилъ мѣсячную поѣздку по церквамъ Японіи. Это моя первая поѣздка. Довольно неожиданно она совершена мною... Теперь, когда этотъ мѣсяць уже позади, когда я опять сижу за своими обычными занятіями, переживая все, чѣмъ Богъ только что наградилъ меня, что скажу я, заканчивая свои замѣтки?..

Твердо идетъ на брань военачальникъ, знающій вѣрность долгу и любовь къ себѣ своихъ воиновъ. Окрыленный, воодушевленный на дальнѣйшую работу пріѣхалъ и я изъ своего путешествія, такъ много испыталъ я твердой вѣры христіанъ, и ихъ Христовой любви.

Богу, Строителю судебъ и народовъ и каждаго изъ людей, за все слава и поклоненіе!.. Благодареніе Ему и за тѣ дни сердечнаго утѣшенія, которыми Онъ благословилъ меня въ истекшій мѣсяць. .

Чувствую, что этотъ мѣсяць меня какъ бы «присосалъ» къ Японіи, къ ея добрымъ христіанамъ... Лучшаго средства «утѣшить» меня, «упрочить» меня въ Японіи не могъ и придумать мой Владыка-Архіепископъ. За это ему земное поклоненіе.

Съ вѣрою въ помощь Божію, съ удвоенной энергіей берусь сейчасъ опять за изученіе языка... А читателямъ вынуждаюсь сказать: *до свиданья!* До слѣдующаго моего путешествія по церквамъ Японіи!

Епископъ Сергій.

10 (23) сент. 1908. Тоокѳо.

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ ДУХОВНАЯ АКАДЕМИЯ

Санкт-Петербургская православная духовная академия Русской Православной Церкви – высшее учебное заведение, целью которого является подготовка священнослужителей, преподавателей духовных учебных заведений и специалистов в области богословских и церковных наук. Подразделениями академии являются: собственно академия, семинария, регентское отделение, иконописное отделение и факультет иностранных студентов.

Проект по созданию электронного архива журнала «Христианское чтение»

Проект осуществляется в рамках процесса компьютеризации Санкт-Петербургской православной духовной академии. В подготовке электронных вариантов номеров журнала принимают участие студенты академии и семинарии. Руководитель проекта – ректор академии епископ Гатчинский Амвросий. Куратор проекта – проректор по научно-богословской работе священник Димитрий Юревич. Материалы журнала подготавливаются в формате pdf, распространяются на компакт-диске и размещаются на сайте академии.

На сайте академии
www.spbda.ru

- события в жизни академии
- сведения о структуре и подразделениях академии
- информация об учебном процессе и научной работе
- библиотека электронных книг для свободной загрузки